

С.И. Голод

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭРОТИКО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРОТЯЖЕНИИ XX СТОЛЕТИЯ*

В статье на материале социологических исследований рассматривается изменение половой морали и сексуальных практик молодежи в России во второй половине XX в. Период с начала 1960-х гг. до середины 1970-х гг. характеризуется как пора «потепления» («сексуальный ренессанс»), после которой наступает «эпоха разрешения» (permission).

Ключевые слова: эротическая практика, дебютная сексуальная связь, любовь, молодежь, Россия, качественный и количественный анализ.

Keywords: erotic practices, love, youth, Russia, qualitative and quantitative analysis.

Наличие великолепного набора эмпирических свидетельств об эротических ориентациях молодых людей в XX в. не могло не подвигнуть меня на необходимость продолжить исследовательскую миссию. Здесь я остановлюсь в основном на двух ракурсах: во-первых, теоретическом — прослежу изменения в рамках «нормы» эротических проявлений, во-вторых, постараюсь статистически зафиксировать новые тенденции, протекающие в области сексуальной морали. В этой связи можно говорить о новом, радикальном прорыве на эмпирическом фронте: после почти сорокалетнего перерыва произошло возвращение к опросным социологическим методам сбора и обработки конкретного материала. Другими словами, в Ленинграде было положено начало исследованию сексуальных практик молодежи, и в первую очередь, студенческой, с помощью социологических опросов (как много позже об этом вспоминал в своей книге профессор И.С. Кон, «С.И. Голод его “соблазнил” этой проблемой»).

Проанализировав имеющиеся методики Гельмана, Ласса и Гуревича за 1920-е гг. и интервью, собранные Кинси и его коллегами в течение 1948–1953 гг., я соста-

* Окончание. Начало см. № 1, с. 69–89.

вил методический «костяк» опросника и в 1965 г. в Ленинграде приступил к опросу.

Но прежде чем обратиться к моим собственным данным, скажу несколько слов о теоретическом наблюдении, сделанном ленинградским социологом В.Т. Лисовским. Он изучал в конце 1960-х гг. жизненные планы молодежи (ЖПМ) и обнаружил в числе прочих планов: «встретить любимого человека» и «создать семью». Среди девушек первых оказалось 40,4 % из общего числа опрошенных, а среди юношей — 38,9 %, среди вторых — соответственно — 31,4 % и 29,7 %. Сопоставление двух ориентаций показало, что «встретить любимого/любимую» и «создать семью» для одних и тех же молодых людей события не тождественные. Еще рельефнее это различие проступает при сопоставлении первостепенных (по важности для респондентов) планов: 72,9 % молодых людей поставили на первое место «встретить любимого/любимую» и только 38,9 % «создать семью» (Лисовский 1969: 34–39). Стало быть, юноши и девушки не видели в каждом партнере/партнерше будущего супруга(-гу), любовные отношения могли привести к заключению брака, но они ценны и сами по себе. Таким образом, можно констатировать, что уже к концу 1960-х гг. зревает процесс *автономизации эротизма от прокреации*.

Теперь схематично освещу кардинальные линии анализа и интерпретации своих данных тех лет, но сначала сжато остановлюсь на принципах отбора респондентов.

Итак, в 1964/1965 учебном году мною были опрошены 500 студентов (в том числе 250 женщин) ленинградских высших учебных заведений. Институты отбирались с преимущественно мужским, преимущественно женским и разнополовым составом. В числе десяти институтов три — университет, технологический и медицинский институты — стали базовыми, составляли в сумме около 70 % выборки. Среди других выделю педагогический, электротехнический, театральные институты. Проще говоря, я опрашивал в тех вузах, в которых можно было провести эту процедуру без каких-либо специальных разрешений. Последнее обстоятельство имело по тем временам решающее значение. Приведу для пояснения один лишь пример из моей практики. Я, в частности, договорился об опросе с несколькими моими знакомыми преподавателями из театрального института. Опросил несколько человек. Через некоторое время ко мне обратился один из преподавателей философии с просьбой зайти к заведующей кафедрой. Я, разумеется, откликнулся. Меня встретила разгневанная женщина (через некоторое время она, кстати, перешла с заведования кафедрой на должность секретаря РК КПСС) с упреками: «Чего это я вздумал опрашивать ее студенток, после опроса я, по-видимому, представлю их поведение в худшем свете». Я пояснил, что несу профессиональную ответственность за интерпретацию данных, а т. к. опрошено всего немногим более двух десятков студенток, то, разумеется, на их основании никаких выводов не будет сделано. Тем более что они (студентки) ничем в своем поведении не отличаются, от, скажем, девушек из педагогического института.

Студенческие группы в институтах отбирались (со второго по шестой год обучения) по принципу случайной неповторной механической выборки, внут-

ри групп проводился сплошной (как правило, отдельно по полу) опрос. Мигранты, в конечном счете, составили приблизительно четвертую часть от общего числа респондентов.

Научные сотрудники опрашивались в 1966–1969 гг. в институтах Академии наук и НИИ, врачи и учителя — в соответствующих институтах повышения квалификации. Здесь вносились два ограничения: возрастное (устанавливался предел от 25 до 40 лет) и брачное (все респонденты к моменту опроса должны были состоять в браке). Выборка выровнена по полу. Всего охвачено 250 человек. Во всех случаях опрос проводился с помощью формализованного интервью.

В пределах тех же лет было осуществлено тестирование 125 служащих и рабочих. Молодые люди отвечали на вопросы вне производства: в вечерних школах, институтах и в университетах культуры. В круг респондентов вошли *добровольцы* независимо от пола, образования и брачного статуса. Таким образом, в середине 1960-х гг. мною теми или иными методиками было опрошено 875 человек.

Итак, студентам и интеллектуалам (людям с высшим образованием), наряду с другими, был задан в том числе и вопрос о принципиальной возможности вступления в сексуальную практику до юридического оформления брака. Распределение ответов представлено в табл. 1.

Таблица 1

Принципиальное суждение по поводу возможности нелегитимной сексуальной практики студентов и интеллектуалов в сопоставлении с их полом (в %)

Тип суждений	Студенты		Интеллектуалы	
	Мужчины	женщины	мужчины	женщины
Оправдываю	53,0	38,0	62,0	55,0
Осуждаю	16,0	27,0	14,0	7,0
Неопределенно (амбивалентно)	31,0	35,0	24,0	38,0

Первое, что обращает на себя внимание, — это высокий процент студентов и особенно интеллектуалов, одобряющих нелегитимную сексуальную практику. Значителен и процент респондентов, отказавшихся высказать однозначное отношение к данному явлению. Сопоставление мужских и женских ответов обнаруживает более толерантное отношение мужчин к юридически не оформленным сексуальным контактам. Вместе с тем и в женской подвыборке доминирующая ориентация — «оправдание». Бросается в глаза и иное. Если доля мужчин, осуждающих нелегитимную сексуальную практику независимо от их социального статуса, однопорядкова, то у женщин расхождение в этом пункте между студентками и интеллектуалками значительна (27 % против 7 %).

Чем же можно объяснить расхождения в суждениях студентов и интеллектуалов? По-видимому, в первую очередь различиями брачного статуса: подавляющая часть опрошенных студентов еще не состояли в браке, интеллектуалы

все как один имели опыт супружеской жизни. Следовательно, этот опыт (в данной конкретной ситуации) нужно рассматривать как фактор, способствующий нравственному узакониванию сексуальных отношений до официальной регистрации брака. Но тогда возникает вопрос, что именно в интеракции мужа и жены способствует указанной тенденции? Возможны два диаметрально противоположных варианта ответов. Или этот опыт говорит о сравнительно небольшой значимости сексуальности, о преобладании в отношениях супругов других аспектов (интеллектуальных, экономических, нравственных и т. д.), или же он, наоборот, свидетельствует о важности в супружестве сексуальности, которая заставляет людей ретроспективно одобрять практику, повышающую шансы партнеров в этом отношении.

Какая из этих гипотез справедлива, как предполагалось, покажут только дальнейшие разыскания.

Здесь я обязан сделать одну поясняющую реплику. В ситуации того времени (т. е. 60-х гг. XX столетия), в которой нарочито избегались какие-либо «откровенные» разговоры на эротические темы, ряд социологов и психологов (к примеру, В. Лисовский, В. Алексеева, С. Борисов) зафиксировали зарождающиеся элементы автономии сексуальности от прокреации. Исходя из этого положения, я мог провести эмпирическое исследование нелегитимно, «тайком» от официальных лиц. Проще говоря, придя на тот или иной факультет, договорившись с неким конкретным преподавателем, с риском для его собственной карьеры, я просил его выделить мне некое число студентов (однополую группу) для эксперимента. Затем я произносил небольшое вступительное слово и, раздавая текст вопросника, просил при этом студентов быть ответственными и самостоятельными, задавать мне минимальное число вопросов вслух. Так, скажем, на психологическом факультете ЛГУ многие студенты 2–3 курсов пытались выяснить в открытую (т. е. вслух), что лично я понимаю «под сексуальными отношениями»: «физическую близость между мужчиной и женщиной» или в том числе и «предварительные ласки и поцелуи» (т.е. *petting*). При этом в большинстве своем они краснели, потупив взгляд. Можете ли вы сегодня представить себе такую картину?

Вернемся, однако, вновь к конкретному анализу эмпирических данных того времени и рассмотрим принципиальные оценки возможности вступления в нелегитимную сексуальную практику студентов и молодых рабочих-мигрантов (см. табл. 2).

Налицо очевидное различие: у ленинградских студентов максимальная ориентация — «оправдания», у мигрантов — «амбивалентная». Сопоставление полюсных суждений (по вертикали) выявляет статистически значимое превышение «оправдания» над «осуждением» у коренных жителей города и почти равное представительство осуждающих и оправдывающих среди приезжих. За этими соотношениями, как предполагалось, скрываются различные системы ценностей. Отчасти данное умозаключение нашло подтверждение в опросе В.Г. Алексеевой. Она задала 300 школьникам (москвичам) и 300 учащимся ПТУ (мигрантам) вопрос о возможности «близких отношений до свадьбы». Отрица-

тельно («нет, никогда») ориентировано 24 % учащихся ПТУ и 15 % школьников. Напротив, ориентировано положительно («при определенных условиях») — соответственно 38 % и 56 %. Согласно наблюдениям социолога, традиционные ценности в этой области («половую близость разрешает только брак») если и сохраняются, то лишь у части молодежи, причем у учащихся ПТУ в большей степени, чем у школьников (Алексеева 1977: 64).

Таблица 2

Сопоставление принципиальных суждений о возможности нелегитимных сексуальных практик ленинградских студентов (1964 г.) и молодых рабочих-мигрантов, проживавших в общежитиях города (1974 г.) (в %)

Тип суждений	Ленинградские студенты. N = 470 человек	Рабочие, проживающие в общежитиях*; N = 500 человек
Оправдываю	55,0	24,0
Осуждаю	11,0	26,0
Амбивалентно (неопределенно)	34,0	50,0

Примечание: выборка выровнена по полу и возрасту;

* Жители сел и небольших городов, приехали поступать в вузы Ленинграда, но не прошли по конкурсу.

По-видимому, жители сел и небольших городов, по крайней мере, в 1960-е гг., чаще всего неосознанно находились под влиянием авторитарных (религиозных и светских) принципов и непосредственного социального контроля со стороны семьи, ближайшего соседского окружения и школы. «Деревенская» мораль, способствующая консервации жестких стереотипов, эффективно функционирует только в определенных культурно-исторических условиях, в крупном же городе эти стереотипы обнаруживают свою дисфункциональность. Подтверждением высказанного соображения может служить «подвижка» в иерархии оценок у рабочих-мигрантов. Среди них к моменту приезда в Ленинград, как отмечалось, 26 % «осуждали» возможность нелегитимных сексуальных отношений и только 24 % их «оправдывали», но трехлетнее пребывание в «сверхгороде» оказало влияние на изменение удельного веса ориентации и их последовательность: 30 % «оправдывают» и только 10 % — «осуждают». По правде говоря, респондентки и сами акцентируют этот феномен: «Раньше я была против добрых связей, — вписала в вопросник иногородняя студентка 3-го курса одного из ленинградских институтов, — сейчас, хотя и не состою в них, — оправдываю, так как не от регистрации брака зависит жизненное благополучие. А может, они [юноша и девушка. — С. Г.] не подходят друг другу. Но это в то же время не означает, что необходимо быть распушенной».

С переездом в крупный город на постоянную работу или учебу меняется не только среда, культурное окружение, но и внутреннее мироощущение, индивидуальный стиль жизни. Человек в значительной мере адаптируется к иному это-

су. Строго говоря, он привыкает к разнообразию и изменчивости окружающей среды, к необходимости вести себя более продуктивно, организованно, вырабатывать толерантность, рациональное отношение к моральным принципам и самостоятельность в принятии решений. У юношей и девушек формируются новые привычки, взгляды и интересы; потребность в духовном и эмоциональном сопереживании подталкивает их к вступлению в общение и способствует повышению культуры интеллекта и чувств. Сдвиги в общей культуре, разумеется, не проходят бесследно и для ориентации в области сексуальных практик. С другой стороны, достаточно быстрая адаптация мигрантов к крупному городу, по всей вероятности, объясняется тем, что интериоризация культурных (в том числе эротико-эмоциональных) ценностей подготавливается исподволь: проникновением мыслительных клише и поведенческих стандартов посредством каналов массовой информации за пределы собственно урбанизированной зоны.

Интенсивность усвоения новых образцов, — я в этом абсолютно уверен, — зависит от «размытости» патриархально-авторитарного контроля. Об этом, в частности, свидетельствует сопряженность моральных установок молодых рабочих с местом проживания их родительской семьи. Действительно, у тех, кто приехал в Ленинград из малого или среднего города, следующая последовательность ориентаций: «амбивалентная» — 49 %, «оправдывающая» — 28 %, «осуждающая» — 23 %; у тех же, кто мигрировал из села: «амбивалентная» — 30 %, «осуждающая» — 27 % и «оправдывающая» — 23 %. Словом, приезжие из городов в большей мере одобряют и в меньшей осуждают возможность нелегитимных сексуальных практик, чем молодые люди, выросшие в сельской местности.

Второй «пласт» социального воздействия на структуру ориентаций, как уже говорилось, — этнос, иногда он, впрочем, выступает в сочетании с гендерной ролью человека. Так, в Якутии опрос был проведен в 1974 г. в Вилюйском педагогическом училище, в котором, специально подчеркну, проходили обучение жители коренной национальности. 272 девушки (что составило 73,5 % от общего числа респондентов) высказались «осуждающе» по поводу возможности вступления в нелегитимную сексуальную практику и только 55 человек (или 11,8 %), напротив, допускали их возможность при определенных условиях: «если он и она действительно уважают друг друга» (Попов 1979: 60–79). И так, уже в начале 1970-х гг. в Сибири, как и среди ленинградской студенческой молодежи, мы уже сталкиваемся с проблесками «разрешительных» (пермиссивных) отношений в области эротики (ибо здесь незначительное количество девушек уже осознают возможность при определенных условиях идти против мнения большинства).

В том же году по сути уже более продвинутая реакция была выявлена у сельской и городской молодежи Черновицкой области (Украина). Результат оказался таков: около 44 % мужчин и 34 % женщин одобрили возможность сексуальных практик до вступления в брак, в то же время осудили такие связи соответственно 53 % мужчин и 61 % женщин (Немировский 1982: 120). Стало быть, в течение одного десятилетия у молодых людей произошли значительные изменения в ориентациях на «дозволенность» нелегитимной сексуальной

практики для мужчин и в несколько меньшей степени для женщин. Другими словами, почти каждый второй молодой человек и каждая третья девушка высказались однозначно за допустимость (permission) сексуальных отношений до определенного времени вне рамок института брака.

Любопытный факт приводится по Литве, правда, он уже приходится на середину следующего десятилетия. Здесь почти 47 % юношей — выпускников городских и сельских школ высказались «позволительно» (permission) в пользу нелегитимных сексуальных практик «для себя», в то время как «для девушек» — только 23 %; в данном случае мужской шовинизм или, в других понятиях: консерватизм; «запретительная» (prohibition) оценка половой принадлежности составила соответственно — 13 % и 30 % (Навайтис 1988: 79). Высказывания девушек тех же школ оказались «зеркальными»: «для себя» посчитали приемлемыми такие отношения 10 % респонденток, «для юношей» — 22 % и, напротив, осуждали такую возможность «для себя» 46 % и 35 % — «для юношей». К концу XX в., таким образом, мы столкнулись с реальной переоценкой эротики, по меньшей мере в европейской части Советского Союза.

Кстати, аналогичная тенденция позднее установлена и в выборочном опросе в одной из областей России. Значительная часть подростков, опрошенных в начале XXI в. в Тульской области (61,6 %) без всяких экивоков отметила, что перед регистрацией первого брака «*надо пожить вместе* (т. е. вступить в cohabit) *год-два и проверить чувства*» (Архангельский 2006: 3).

Приблизительно в те же годы на Украине (в том числе и в Черновицкой области) двум тысячам супружеских пар, состоящим в браке несколько месяцев, задали вопрос о возможности эротических нелегитимных связей. Только 4 % респондентов придерживались мнения о недопустимости таких контактов, еще около 8 % затруднились дать по этому поводу однозначный ответ, большинство же молодоженов (66 % мужчин и 79 % женщин) высказались «за», правда, при определенных условиях, более того, 22 % мужей и 7 % жен посчитали такую практику *полезной* для здоровья и хорошего общего самочувствия (см.: Медина 2000: 78–80).

Итак, четко и однозначно высвечиваются две тенденции, определяющие вербальное поведение молодых людей к концу XX в.:

а) радикальное снижение «запретительных» оценок и одновременный рост «либеральных»;

б) постепенный переход от «двойного» к единому половому стандарту, иначе говоря, развертывание автономии сексуальности от прокреации.

Моя первая гипотеза сводится к следующему. Согласование (рассогласование) ориентаций на принципиальную возможность юридически не оформленных сексуальных практик и актуализацию эротического наслаждения конституирует актора в рамках культуры как морального субъекта. Так, из общего числа ленинградских студентов середины 1970-х гг., склонных к «оправдыванию» сексуальных контактов вне матримониального поля, в них фактически состояло 80 %. Иначе говоря, молодые люди, оправдывающие нелегитимную сексуальную практику, в подавляющем большинстве реализуют свою диспозицию. Поражает другое: почти каждый второй из совокупности «осуждающих»

состоит (или состоял) в указанных связях. Нет оснований сомневаться в том, что автономия эротики от прокреации возрастает по мере отхода от консервативных нравственных установок.

Представленные данные способствовали выдвижению новой гипотезы: вскрытые эмпирические закономерности свидетельствуют не просто о количественном росте юридически не оформленных сексуальных контактов в молодежной среде, но и о тенденции к их качественному преобразованию. Прояснить это достаточно аморфное ощущение помогут такие характеристики сексуальной активности молодых людей, как возраст эротического дебюта, мотивы, тип партнера, сценарий ухаживания и уровень сатисфакций.

Обсуждение всего спектра отношений начну с возраста сексуального дебюта (см. табл. 3). Статистические показатели указывают на стабильный рост доли студентов, начинающих сексуальную жизнь в раннем возрасте (до 16 лет), и наоборот — снижение в старшем (после 21 года). Особенно интенсивные изменения приходится на последние два десятилетия. При этом если число реализовавших свой экспрессивный потенциал до 16 лет увеличилось по объему не намного, то в интервале 16–18 лет, т. е. между двумя значимыми рубежами в жизненном цикле индивида (психологическая и социальная зрелость), прирост просто колоссальный.

Таблица 3

**Динамика начала сексуальной жизни студентами последней трети XX в.
(в % к общему числу имевших опыт)**

Возраст респондентов	Год опроса		
	1965 г. N = 339 чел.	1972 г. N = 331 чел.	1995 г. N = 397 чел.
До 16 лет	5,3	8,2	12,1
С 16–18 лет	33,0	30,8	52,9
С 19–21 года	39,5	43,8	30,7
С 22–24 лет	19,5	16,0	3,3
Позднее	2,7	1,1	1,2

Казалось бы, цифры сами по себе впечатляют. Тем не менее, не дает покоя одна проблема: можно ли экстраполировать результаты, полученные при опросе студентов, на всю молодежную аудиторию? Ведь студенты, во-первых, образованный ее слой, во-вторых, маргиналы по социальному статусу. И, тем не менее, именно с них начинали свою практику все наблюдатели. Как уже неоднократно указывалось, в начале XX в. к таким опросам в России прибегали В. Фавр и М. Членов, а в 1920-е гг. И. Гельман и Д. Ласс, а в США А. Кинси и А. Рис. Для проверки чистоты обнаруженной тенденции воспользуемся материалами опроса всех слоев населения (в «молодежном» возрасте) Санкт-Петербурга (1998 г.) и Тулы (1999 г.).

В мегаполисе (согласно принятой возрастной периодизации — см. табл. 3) выявлены следующие доли молодых людей, вовлеченных в эротическую практику — 10,1 %, 30,2 %, 37 %, 16,8 % и 5,9 %. Данное распределение в наибольшей степени созвучно показателям ленинградских студентов начала 1970-х гг.:

минимальная активность на полюсах, максимальная — в центре. Что касается населения областного города Нечерноземья России, то обнаруженная здесь картина если не тождественна, то, во всяком случае, близка к петербургской: 7,0 %, 32,8 %, 40,0 %, 14,3 % и 3,9 %. Вместе с тем сопоставление части (студенчества) и целого (всех слоев городского населения) нельзя признать корректным. Исходя из этого соображения, выделим группу юношей и девушек 18–24 лет, другими словами, студенческого возраста, проживающих в Санкт-Петербурге (соответственно в Туле) и сравним их сексуальные дебюты со студенческими. Итак, 28 % петербуржцев вступили в эти связи до 16 лет, каждый второй — в возрастном интервале 16–18 лет, почти 20 % — в 19–21 год, позднее — немногим более 2 %. В Туле вскрыты несколько иные, однако не противоречащие, по сути дела, мегаполисным, соотношения: до 16 лет — 16,2 %, 16–18 лет — 61,6 % и 19–21 год — 22,7 %. Стало быть, в обоих городах молодые люди независимо от образовательного ценза к концу XX в. раньше, чем студенты середины 1990-х гг., вовлекаются в нелегитимную сексуальную практику. Иное — горожане старшего поколения (возраст старше 55 лет). Они оказались более сдержанны в своих эротических проявлениях даже относительно студентов середины шестидесятых годов. Напомню, 5,3 % обучающихся в ленинградских вузах (1965 г.) вступили в сексуальные связи до 16 лет, тогда как у представителей старшего поколения Санкт-Петербурга и Тулы (а им, как нетрудно подсчитать, в середине шестидесятых не было и 30 лет) этот показатель не превышал 1,5 %; среди тех же, кому на момент опроса было более 24 лет, этот уровень составил 2,7 % (у петербуржцев) и несколько превосходил 12 % (у туляков). Кстати, раннее приобщение молодых людей к сексуальной жизни с начала 1990-х гг. зафиксировано и медиками. Так, московский венеролог О. Лосева с коллегами опросила 120 девушек 14–18 лет, из которых 60 были больны сифилисом (основная группа), а другие 60 (контрольная группа) обучались в медицинском училище. Оказалось, что 60 % респонденток основной группы и около 30 % контрольной вступили в дебютные контакты в возрасте 14–16 лет. «Педофильство», условно говоря, сопровождалось значительным числом случайных связей (это признали 50 % больных и 25 % здоровых) и частой сменой партнеров (имели генитальные контакты не менее чем с пятью мужчинами в первой группе 74 %, во второй — 30 %) (см.: Лосева, Чистякова и др. 1991: 47–48). Экспериментальные свидетельства хотя и нерепрезентативны, но в силу их технической продуманности, без сомнения, подтверждают как гипотезу о снижении среднего возраста девушек, вовлекаемых в сексуальные практики, так и предположение о современном противодействии унисексу.

Тенденция к снижению с конца 1980-х гг. границы эротического дебюта в нашей стране свидетельствует о «встроенности» в этом отношении российской молодежи в общеевропейский контекст (см.: Barrett 1980; Starke 1980; Козакевич 1985; Kontula, Naavio-Mannila 1995).

Ошибочно думать, что дебют сексуальных практик сам по себе предопределяет силу экспрессии, однако и полностью проигнорировать его влияние, конечно же, недопустимо. Можно полагать, что омоложение возраста вступления в эротические контакты не столько детерминировано акселерацией человека

XX столетия, сколько корреспондирует с незавершенностью эмоционального созревания; иными словами, с несформированностью душевного строя личности. Сошлюсь на такой факт.

Когда пятнадцатилетняя школьница пишет в «Комсомольскую правду» (28 октября 1987 г.), страстно, как ей представляется, убедительно, защищая «промискуитетные» связи, обосновывая их неудержимостью эротического влечения к мужчинам, — если она, конечно, не нимфоманка, — то вся ее аргументация надуманна, рассудочна и детерминирована не природой, а обществом, непосредственным окружением и воздействием стереотипов массовой культуры*. Последнее замечание станет более прозрачным по мере уяснения мотивов и партнеров по дебютной сексуальной близости (см. табл. 4).

Три побуждения определяют поведение подавляющего числа молодых людей независимо от их социального статуса и постоянного места проживания. Иерархия удельных весов отражает не только количественную сторону обсуждаемой практики, но и, несомненно, сущностную. Во всех выборках (исключение — интеллектуалы) ведущая мотивация совпадает — более трети респондентов полагают, что в сексуальном общении реализовали полноту психосоматического наслаждения. Мало это или много? — вопрос чисто риторический, по меньшей мере, неизменно высокая потребность в самоутверждении собственного «Я» в приватной сфере — налицо. Не надо быть особенно прозорливым: среди этого контингента преобладают женщины. К примеру, в петербургской совокупности (1998 г.) 63,6 % женщин против 36,4 % мужчин; в Туле (1999 г.) соответственно 56,3 % и 43,7 %.

Казалось бы, следующий по значимости мотив говорит сам за себя. Однако в реальности все не так очевидно. Ибо для мужчин понятие «сексуальное влечение» имеет широкий семантический диапазон: от неременной составляющей гедонизма до буквальная релаксации. Обратим особое внимание на колонку «интеллектуалы».

Закономерно возникает вопрос: чем можно объяснить доминирование здесь мотива «сексуальное влечение»? Памятуя о том, что в данной выборке мужчин ровно столько, сколько женщин, приписывать обозначенное побуждение лишь одному полу было бы, мягко говоря, некорректно. Скорее всего, мы имеем дело с рационализацией респондентами прошлого опыта. Образован-

* Символично, что к рубежу 1980–90-х гг. обсуждение сексуальных проблем молодежью достигло накала и противостояния, сравнимых с 1920-ми гг. Вот лишь одно из таких откровенно циничных суждений, как будто бы извлеченных из текстов семидесятилетней давности. «Полностью поддерживаю мнение 16 парней-медиков относительно того, что СПИД — это санитар человечества, который спасет его от наркоманов, гомосексуалистов, проституток. Вы пишете, что гибнут дети, но любое полезное дело не обходится без жертв, тем более если учесть, что на планете много лишних людей, не хватает пищи, жилья, в том числе и в нашей стране. Этот вирус поможет убить двух зайцев: избавиться от отбросов человечества и решить ряд жизненных проблем <...> Немного о себе: 26 лет, образование высшее, занимаюсь спортом, веду здоровый образ жизни, член КПСС, секретарь комсомольской организации» («Комсомольская правда», 28 октября 1987 г.).

ным и состоящим в браке людям представилась идеальная возможность спустя некоторое время (10–15 лет) мысленно проиграть дебютную ситуацию, подвергая ее тщательному, беспристрастному анализу и интерпретации, тем самым взвешенно расставить акценты. Результат — превышение задним числом значимости *тела* над *духом*.

Таблица 4

**Мотивы вступления молодых людей в дебютную генитальную связь
(по годам опроса, в %)***

Группы респондентов Мотивы**	Ленинградские (петербургские) студенты			Рабочие-мигранты	Интеллектуалы	Молодое население (18–24 года) Санкт-Петербурга	Молодое население (18–24 года) Тула
	1965	1972	1995	1974	1989	1998	1999
Мотивы/годы опроса	1965	1972	1995	1974	1989	1998	1999
Любовь	40,9	35,8	41,8	36,7	42,0	42,4	36,3
Сексуальное влечение	33,3	32,4	21,6	28,4	42,2	15,7	17,5
Любопытство	30,1	22,9	13,3	18,7	19,2	24,5	18,8
Соблазнение	10,8	7,0	6,4	9,3	6,8	6,9	8,8
Насилие	1,2	0,3	1,1	1,6	1,8	2,0	3,8
Случайность	9,0	13,5	4,1	12,1	7,6	8,8	12,5
Иные мотивы (в том числе: а) желание стать взрослым..., б) стремление не отстать от сверстников...)	—	—	14,5	8,2	11,6	13,8	15,0

* Опрашиваемым предлагалось дать один или два ответа.

** Мотивы нелегитимной сексуальной практики выяснялись ретроспективно.

Еще один мотив из числа ведущих — любопытство (вуайеризм). Его охват (от 13,3 % до 30,1 %) отражает реалии современного состояния нравов. Вступление в эротические отношения с «познавательной» целью — свидетельство игнорирования социальными институтами (в первую очередь родительской семьей и школой) одного из базовых аспектов приватной жизни человека. Нельзя умолчать и о другом. В течение последних трех десятилетий доля «любопытствующих» постепенно сокращается. Правда, это происходило не за счет интенсификации целенаправленного сексуального просвещения детей и подрост-

ков*. Дискуссия о его полезности или о вреде до сих пор, к сожалению, ничем не завершилась (см.: Кон 1997: 294-297). Отсюда и следствие — широкая коммерциализация средств массовой информации. Ограничусь парой иллюстраций, не требующих, по-моему, обширных комментариев.

На государственных всероссийских телевизионных каналах систематически демонстрируются рекламные ролики, в которых «девицы» в непристойных позах зазывно предлагают мужской аудитории позвонить им: телефон высвечивается на экране. Принимая во внимание, что в нашем отечестве проституция не легализована, такого рода трансляции не только аморальны, но и противозаконны, уголовно наказуемы. Другой типичный пример. В начале 90-х гг. XX в. московская газета «Частная жизнь» публиковала из номера в номер предложения супругов о временном обмене сексуальными партнерами в присутствии друг друга, приглашая к куннилингусу. Я не сторонник раз и навсегда заданных эротических норм и клише, по-видимому, кто-то без вуайеризма или куннилингуса не представляет себе сексуального наслаждения — это личное дело каждого актора. Вместе с тем скажу следующее. Здесь проповедуется «свингинг» (swinging), т. е. крайняя форма «сексуально-открытого брака». Выставление сокровеннейших пластов приватной жизни на всеобщее обозрение — это нечто большее, чем филистерский эпатаж. Через оргийность** пытаются убедить себя и окружающих в широте взглядов и поведенческой раскованности. Позволю себе такую метафору: как постоянные кислотные дожди разъедают почву, так и превращение сатурналий в рутину разрушает реальную ось *интимности*: сочувствия, привязанности и душевного сродства.

Значимое представительство (подчеркну: именно охват, ибо аномия***, вероятно, постоянный спутник цивилизации) неспецифических мотивов сексуального дебюта (соблазнение, самоутверждение, случайность и т. п.) во всех слоях населения — яркое свидетельство возрастающей привлекательности потаенной сферы человеческой жизни. Скажем, девушки, в отличие от юношей, для сохранения иллюзии «большого чувства» склонны на жертвенность — вступление в эмоционально «необязательный» телесный контакт (по общепетербургским данным — 9,2 % против 0,9 %). В свою очередь, юноши чаще прикрываются маской «соблазненного» (в Туле 10 % против 7 %, в Санкт-Петербурге 8 % против 4 %). В этом случае, по-видимому, срабатывает либо прямое кокетство, либо бессознательная боязнь неизведанного, но значимого события, неудачное начало которого может отрицательно сказаться на дальнейшем экспрессивном опыте. Учитывая преимущественно мачистский характер отечественной куль-

* Известно, что именно эти два периода в развитии индивида — дошкольный (около 7 лет) и подростковый (где-то от 13 до 17 лет) — психологи считают кризисными, чреватými сексуальными злоупотреблениями (sexual abuse) (см.: Ильина 1998: 67).

** Оргийность ассоциируется с греческим богом Дионисом; его шествие носит экстатический характер, в котором участвуют вакханки и сатиры, сокрушавшие все на своем пути, увлекая за собой толпы мужчин и женщин.

*** Аномия — термин, обозначающий различные виды нарушений в ценностно-нормативной системе общества (термин принадлежит Э. Дюркгейму).

туры и психофизиологическую специфику полов, вполне убедительным выглядит допущение о подавляющем преобладании в эротическом дебюте мужской инициативы. Так, более тысячи наблюдений, полученных в конце 1990-х гг. в Петербурге и Туле, показывают, что 70 мужчин из каждой сотни в мегаполисе и 76 из ста в среднем городе приписывают себе инициативу вступления в первую сексуальную связь. В согласии с этим почти 90 женщин из каждой сотни указывают на агрессивное давление со стороны своего партнера (соотношение показателей устойчиво и не зависит ни от места опроса, ни от величины и характера поселения, в котором родился респондент, ни от его возраста, образования и брачного статуса). Следовательно, о «соблазнении» юношей как о сколько-нибудь вероятном событии не может быть и речи.

Полагаю, что то или иное побуждение сопряжено как с возрастом вовлечения в сексуальную практику, так и с мерой психофизиологической удовлетворенности. Проясняя первое, ограничусь данными опроса интеллектуалов. В этой среде «сексуальное влечение» в качестве основного мотива отмечается лицами, по преимуществу не достигшими восемнадцатилетнего рубежа, в то время как «любовь» становится ведущей ценностью, лежащей в основе сближения девятнадцати-двадцатилетних. Сузилась и ниша «любопытствующих». В самом деле, если в опросе интеллектуалов 1969 г. на это побуждение ссылались не только несовершеннолетние, но и частично и 19–21-летние, то в выборке 1989 г. — исключительно подростки. Прочие мотивы в большей или меньшей степени стабилизировали свои пропорции. Например, «промискуитетные» контакты присущи несовершеннолетним, хотя время от времени ими не пренебрегают и 19–21-летние молодые люди.

По поводу степени взаимообусловленности мотивов сексуального дебюта и уровня эмоциональной отзывчивости замечу следующее: петербургские студенты (1995 г.), достигшие порога «наслаждения», мотивировали завершение «ухаживания» вагинальным контактом в первую очередь «любовью» (51,5 %), во вторую — «сексуальной потребностью» (25,0 %) и в третью — «соблазнением» (6,6 %). Не удивительно, что среди респондентов, акцентировавших гармонию «душевного» и «физического» в результате андрогинного воссоединения соотношение мужчин и женщин 3 к 1. Напротив, среди тех, кто испытал от «телесной близости» разочарование: неприятное соматическое состояние и психический дискомфорт, подавляющее число женщин — 1 к 19.

Продолжим эту линию анализа. Исходя из общепетербургских данных, оптимальная структура эмоциональной отзывчивости обнаруживается у молодых людей, начавших эротическую практику под влиянием страстного влечения. Итак, 38,5 % респондентов испытывали наивысшее наслаждение (оргазм) и лишь пять из ста затруднились определить свое состояние. Иначе говоря, из «страстных» сторонников почти каждый четвертый ощутил эмоциональный подъем, 5,8 % и 3,8 % испытали соответственно «неприязнь» или «безразличие», т. е. были разочарованы в своих экспектациях. В то же время «романтики» предстали экспрессивно относительно более бледными, а именно: 43 % затруднились вообще определить свое посткоитальное состояние, и только 22 % испытали наслаждение и около 18 % — «эмоциональный подъем». В противо-

вес этому почти 15 % остались разочарованными (указали на «безразличие» или даже «неприязнь»). В общем и целом те же зависимости подтверждаются и тульским опросом. Другой «пучок» сопряжений: дебютную сексуальность в более благоприятных тонах рисуют скорее мужчины, нежели женщины, скорее состоящие в браке, нежели холостые (неженатые), скорее молодые, нежели пожилые.

Фигурально выражаясь, последняя — но не по значимости — характеристика, завершающая представление о количественной и качественной стороне молодежных нелегитимных сексуальных практик, — партнер по экспрессивному взаимодействию (см. табл. 5).

Обратимся к непосредственному рассмотрению данных таблицы и первым делом проанализируем востребованность каждого из типов партнеров по эротическому взаимодействию отдельно по колонкам. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы заключить: у студентов конца XX в., независимо от места рождения (т. е. от первичной социализации), выстраивается — в отличие от их коллег 1960-х и 1970-х гг. (т. е. от студенчества предшествующих лет), — идентичная иерархия. В основании пирамиды незыблемое место зарезервировано за любимой (-ым)*, вслед за тем, что знаменательно, оттесняя «хорошую» знакомую(-го), очередной рубеж занимает «случайная» партнерша (партнер). Объясняется этот феномен, по-видимому, юношеским максимализмом: коль скоро отсутствует объект желанной страсти, то торжествует принцип наименьшей затраты нервной энергии. И только потом на шкале отмечается устойчивая, при незначительной амплитуде, последовательность компаньонов: от «хорошей» знакомой(-го) через невесту/жениха к замужней женщине/женатому мужчине и замыкает ряд легитимный напарник. Удельный вес последнего изначально предполагался относительно небольшим, на деле же оказался откровенно микроскопическим. «Студенческий мир», — приходится артикулировать банальность, — не лучшим образом пригоден для смены брачного статуса.

На очереди вторая колонка. Здесь относительно большее расхождение, чем в студенческих подвыборках. С одной стороны, молодые люди, проживающие в обоих городских поселениях, согласованно отдают предпочтение «любимым» и «хорошим» знакомым, с другой — выявляются и существенные расхождения. Так, у туляков последующие два места приходятся на долю легитимных и полуполитимных напарников, промежуточную нишу между указанными лицами и партнерами с «промискуитетными» задатками занимают женатые /замужние люди, эротический потенциал коих для исследователя загадка. Короче, соотношение крайних позиций почти 2 к 1 — не в пользу случайных сексуальных объектов. Количественная наполненность и последовательность лиц по эротическому дебюту в мегаполисе практически та же, что и в среднем российском городе, различия фиксируются исключительно на полюсах шкалы, причем если на верхних этажах расхождение незначительно, то в нижних — превышение более чем вдвое в пользу петербуржцев.

* Заострим внимание на неидентичности для молодых людей 1990-х гг. понятий «любимая(-ый)» и «невеста (жених)».

Сопоставление типов партнеров по эротическому дебюту студентов, молодых людей всех сословий 1990-х гг. и поколения, молодость которого пришлась на вторую половину 1960-х гг. (в %)

Партнер	Петербургские студенты (1995 г.)		Молодые люди всех сословий (18–24 лет)		Пожилые люди всех сословий (старше 55 лет)*	
	I		II		III	
	Коренные	Приезжие	Петербург 1998 г.	Тула 1999 г.	Петербург 1998 г.	Тула 1999 г.
Жена/муж	2,9	1,3	8,4	10,5	49,0	63,8
Невеста/жених	8,2	9,5	9,6	10,5	11,5	11,3
Любимый/любимая	55,6	54,2	35,0	36,9	19,1	11,3
Хорошо знакомая незамужняя женщина и старшая по возрасту, хорошо знакомый мужчина, холостой и старший по возрасту	11,2	11,7	22,8	24,6	7,6	3,8
Замужняя женщина/женатый мужчина	6,2	5,3	7,2	7,7	0,6	1,3
Случайная знакомая независимо от брачного статуса/случайный знакомый независимо от брачного статуса	15,9	18,0	15,6	6,1	7,6	3,8
Проститутка	-	-	1,4	3,7	-	-
Нет ответа	-	-	-	-	4,5	5,0

* Ответы получены ретроспективно.

В заключительной колонке (III) распределение радикально иное, нежели в первых двух: превалирование бесспорно легитимного партнера. Вместе с тем различия в выборе партнеров в сравниваемых городах достаточно велики. И впрямь, в мегаполисе не только значительно меньше молодых людей в прошлом совмещали сексуальный дебют с юридическим оформлением брака, но и активнее расширяли интимное поле за счет отношений с «любимыми» и «хорошо» знакомыми партнерами, не пренебрегая при случае и «промискуитетом». Отсюда, без всяких сомнений, следует: изменение роли сексуальности в жизнедеятельности актора происходит первоначально в крупнейших городах и только впоследствии распространяется по всей территории. Трансформация мо-

ральных ценностей в целом и в отдельных ракурсах, напомним, приходится на середину 70-х гг. XX в. В этом свете не покажется чудом заявление о фиксации нами не просто неких флуктуаций, а существенных элементов зарождающейся «сексуальной» революции в отношениях молодого поколения.

Наступил черед сопоставить статистические данные трех колонок между собой. Предпочтение студентами и молодыми людьми, представляющими все слои городского населения, тех или иных партнеров отчасти разнятся друг от друга. Так, интересы студентов концентрируются преимущественно в одном пункте — более половины студентов манифестируют своего дебютного визави как любимую(-го). И хотя и прочей молодежи мегаполиса не чужды такого рода устремления, все же girl/ boy-friend составляет у них немногим более трети. Имеются и другие отличия. Молодые петербуржцы численно превосходят студентов в формировании легитимных сексуальных союзов, в эротическом общении с «хорошей» знакомой(-ым) и в контактах с «проституткой». Молодые туляки в целом придерживаются того же поведенческого сценария. Исключения составляют «промискуитетные» и «проституционные» связи: первых меньше, вторых, напротив, — больше.

Старшее поколение (в обоих городах) в молодости по-иному выстраивало свои сексуальные предпочтения. Предваряя конкретные свидетельства, отмечу большой консерватизм туляков в частной жизни. В прошлом современные пожилые люди, как правило, совмещали юридическое оформление брака и сексуальный дебют (шестикратное превышение относительно сегодняшних молодых поколений!). В силу этого не секрет — никакие сексуальные практики не могли конкурировать с «матримониальным эросом». Следующий партнер по наполненности в петербургской «возрастной» когорте — «любимая» (-ый), к слову, ее (его) доля вдвое ниже, чем у нынешних молодых людей, а относительно студенчества — даже втрое. В Туле второй и третий ряд в равной мере закрепился за «невестой/женихом» и «любимым(-ой)». (Последние, кстати, с 3–5-кратным отставанием от их затребованности на рубеже XX–XXI вв.). На долю всех остальных типов партнеров у «пожилых» жителей мегаполиса пришлось около 16 %, а в среднероссийском городе и того меньше — 8 %. Словом, у респондентов старшего поколения выбор партнера по эросу невелик (особенно в Туле) и ограничивался рамками традиций.

Не пройдем мимо «нового-старого» феномена, проявившегося в выборке конца XIX в., причем *исключительно* у поколения 18–24-летних — манифестируемого возвращения проститутки как объекта сексуального дебюта. По правде говоря, мне впервые удалось такое зафиксировать. Даже у студентов, опрошенных в середине 1990-х гг., наличие «непотребства» отмечено не было, скорее всего эти связи растворились в «промискуитете».

Незначительная доля проституционных контактов в общей массе нелегитимной сексуальности не должна смущать, ведь я веду речь об эротическом дебюте. Мало того, реальная распространенность проституционных связей в молодежной среде в настоящее время не столь велика в сравнении с любым периодом предыдущего века.

Обратимся вновь к опросным материалам. Бросается в глаза несоответствие выбора определенного типа участника эротического взаимодействия и

мотивов вступления в него. В том случае, когда контрагент именуется как «невеста/жених», основополагающие побуждения к телесному сближению располагаются, скажем, у студентов (1995 г.) в такой последовательности: «любовь» (почти 70 %), «сексуальное влечение (12 %), «любопытство» (около 9 %); близкие пропорции обнаруживаются у жителей Петербурга — 70 %, 11 % и 7 %. В Туле полулегитимные отношения поддерживаются потребностью в «любви» (73 %), «любопытством» (9 %) и стремлением к «физическому изыску» (5 %). При акцентировании студентами неформального статуса партнера — «любимая(-ый)» — мотивы физического обладания не претерпевают существенных пертурбаций, однако меняется численное представительство каждого из них, в частности, снижается доля «любви» (23 %) и, напротив, повышается — «гедонизм» (на 11 %) и «познавательный интерес» (5 %). Созвучная эмпирическая закономерность зарегистрирована и среди жителей сравниваемых поселений. Думается, не требуется специального доказательства наличия иной мотивационной шкалы у респондентов, вступивших в сексуальные контакты со случайным актором. Это не что иное, как релаксация в чистом виде, которая не подразумевает эмоциональной отзывчивости и нравственной разборчивости и в лучшем случае базируется на подсознательно сформировавшемся стереотипе. Действительно, каждый четвертый студент последнего десятилетия XX в. из числа вовлеченных в эротические связи аргументировал их необходимостью снятия физиологического напряжения, 15 %, не мудрствуя лукаво, сослался на обстоятельства и столько же — на воздействие опьянения. Отчасти по-иному распределились предпочтения среди петербургских и тульских «промискуитетчиков». В обоих городах наибольший удельный вес оказался у тех, кто индифферентен к ситуации и объекту сексуальной развязки, а вот далее проявилось различие: в мегаполисе — «желание не отставать от товарищей» и «стремление стать взрослой(-ым)», а в среднем городе — «любопытство».

В свою очередь, обнаруживается сопряженность продолжительности периода ухаживания с обозначением типа партнера по эротическому дебюту. Указанная зависимость особенно впечатляюще прослеживается по краям эмоционально-духовного континуума. Так, в Туле 43 % молодых людей, вступивших в брак девственниками, и ухаживание длилось более года, в Санкт-Петербурге таких оказалось на 6 % меньше, после столь же продолжительного ухаживания, своего же эротического контрагента обозначали как «жених/невеста», соответственно по городам, 38 % и 49 %. Для того чтобы в конечном счете осознать: «да, это именно тот человек, которого я рисовал(-а) в своих мечтах — любимая(-ый)» — более чем 30 % респондентов понадобилось для ухаживания от 5 до 6 месяцев. Помимо того, каждому третьему горожанину (независимо от местожительства), рискнувшему вступить в дебютную сексуальную связь со случайным знакомым, хватило недели для поиска «своего» типажа, а каждый второй утверждал, что справился с этой задачей и вовсе за день. Отсюда следует по меньшей мере два вывода: (1) чем привлекательней и ценней объект эротики, тем большей продолжительностью и избирательностью сопровождается его поиск; (2) превращение «любимого(-ой)» в полулегитимного партнера — «жениха/невесту» — непременно предполагает испытание временем.

Еще один принципиальный показатель избирательности эротического партнера — устойчивость дебютного общения. Судя по моим источникам информации, у студентов эта деятельность выглядит прозрачно и в целом убедительно. Симметрично представлены полюса (по 15 с небольшим процентов): на одном из них расположился «суетливый ничтожный эрос» — сразу же по достижении одномоментного соматико-эмоционального удовлетворения контакт прекращается, на другом — «эрос, центрированный на матримониальной цели», т. е. когда ухаживание приводит к браку. «Эрос центра», к слову, наиболее представительный, под его «покровительством» оказывается почти каждый второй респондент, здесь поощряются экзистенциальные, сугубо личностные ценности. Тем самым подразумевается относительно длительный союз и напряженное общение, которое, впрочем, не всегда завершается правовым контрактом. Нетрудно догадаться, что среди приверженцев «суетливого эроса», как правило, 18–20-летние молодые люди; матримониально центрированные — по большей части 21–23-летние, сторонники эмоционально богатых переживаний, не ограничивающих себя официально (юридическими) рамками, распределились приблизительно пропорционально, от 32 до 38 %, и репрезентативно представлены во всех возрастным категориях.

До сих пор мы в основном рассматривали период сексуального дебюта. Такая концентрация внимания вполне объяснима, ибо в эту пору происходит процесс нравственного самоконституирования актора в рамках зарождающихся стратегических проектов эротизма. Одна из таких крайних стратегий может быть проиллюстрирована моральной максимой, сформулированной Ж.-П. Сартром и вобравшей в себя житейскую прагматику и «высоколобый» сюрреализм. По словам Симоны де Бовуар, «...Сартр любил женское общество, он находил, что женщины не так смешны, как мужчины... Если любовь между нами, — продолжала она, — относилась к явлениям закономерным, то почему бы нам не иметь также и случайных связей». Отсюда и не должны удивлять принципы взаимоотношений знаменитой французской пары: ... никаких брачных уз — это главное; никаких детей — они слишком обременительны. Каждый живет сам по себе, заводит романы, вступает в связь, с кем хочет, единственное обещание — ничего друг от друга не скрывать и никогда друг другу не лгать. Короче, полнейшая свобода и открытость» (Ламбрэн 2000: 87, 89). Поддержание декларируемых позиций требовало от Бовуар не только пассивного, но и активного поощрения «тройственного союза», в то время как Сартр демонстративно использовал мачистские принципы. Нетрудно предположить, что в оппозиции описанной элитарной стратегии расположен брачный эротизм, но, разумеется, не традиционный, не обязательно центрированный на матримониальных ценностях и признающий сексуальное многообразие. Отсюда современная массовая стратегия нацеливает молодых людей на удовлетворение эротической нужды в полифункциональных нелегитимных формах общения.

Одна из важных характеристик молодежного эротизма — это количество сексуальных объектов. Установлена корреляция между количеством партнеров и принадлежностью респондента к определенной возрастной когорте. К примеру, лишь четверть туляков 18–24 лет (как правило, холостых) ограничи-

свою сексуальную практику одним партнером, большинство из них (58 %) имели дело с пятью лицами, остальные — даже с шестью и более; у поколения 35–44-летних (между прочим, они почти все к моменту опроса состояли в юридически оформленном браке, иначе говоря, завершили свой нелегитимный период общения) количественное распределение партнерства существенно иное: в два раза больше респондентов указали на одного и, напротив, настолько же меньше — на шесть и более «ухажеров». Сходные закономерности обнаружены в Санкт-Петербурге, а именно: почти 30 % 18–24 летних сослались на наличие у них одного друга/ подруги, тогда как 23 % — на шесть и более; 35–44-летние, соответственно — 44 % и 5,6 %.

Студенты середины 1990-х гг. проявили несколько большую сдержанность: 40 % отметили эротическую близость с одной подругой/ другом, 42,5 % — указали от 2-х до 5-ти и 17,5 % — шесть и более. Проще говоря, к аскетам их также не причислишь. Кстати, о том же свидетельствуют интервалы между первым и вторым партнерами, частота контактов и уровень психосоматической отзывчивости. Так, почти каждый пятый студент (независимо от пола) из числа находившихся в поиске эротического партнера уже в течение месяца смог реализовать свою потребность, при этом его объектом равновероятно оказывался как «хорошо», так и «случайно» знакомый актер. Положение дел радикально меняется, если поиск растягивается хотя бы на 2–3 месяца. В этом случае, во-первых, расширяется до 42 % круг студентов, осуществивших свою эротическую мечту, во-вторых, изменяется соотношение компаньонов 3 к 1 в пользу *boy/girl-friend'a*, в-третьих, возрастает уровень эмоциональной отзывчивости, позитивное ощущение высказывает не 68 %, как в первой совокупности, а 76 % респондентов и, напротив, негативная реакция снижается с 31 % до 16 %.

Но и это не все. Большинство студентов, имеющих (или имевших) случайные контакты, не испытывают по этому поводу *вины*, мало того, им нравится такое времяпрепровождение. Молодые люди объясняют свой индивидуальный стиль жизни отсутствием у них *boy/girl-friend'a*, желанием встретить подходящего мужчину (женщину), способного удовлетворить их эротические запросы, но отнюдь не желанием «просто развлечься».

Подведем некоторые итоги. В течение всего рассматриваемого здесь периода произошли радикальные сдвиги как в вербальном, так и в актуальном эротическом поведении. И вот что важно отметить — в это время произошел переход от сугубо медицинского (точнее говоря — патолого-анатомического) к социально-культурному осмыслению самой проблемы. Другими словами, зафиксирован явный переход от «двойной» к единой морали. В данных условиях даже медики, несмотря на их профессиональный консерватизм, осознали необходимость обратиться не к пациенту, а к «массовому» человеку, к его повседневной (приватной) практике. Надо сказать, что само преобразование эротического мира происходило в «рваном» ритме, не подчиняясь в буквальном смысле внешним условиям, подчас надуманным: то ускоряясь, как бы торопясь, «сломя голову» (как это было характерно для 1920-х гг.), то замедляясь, под влиянием эмпирических социально-нравственных закономерностей (что характерно для России 1950-60-х гг.), вступая, вольно или невольно, в противоречие с глобаль-

ными социетальными запросами эволюционирующего мира и, тем самым, вскрывая реальные пласты противоречивых процессов сегодняшнего момента. И последнее замечание: Россия вписалась в круг «западных» моральных ценностей: «добрачная» эротическая практика стала широко приемлемым явлением, а не эпизодическим фактом, что в последнее время отмечают большинство отечественных социологов (см., напр.: Анурин 2000: 88–95).

Литература

Алексеева В. Неформальные группы подростков в условиях города // Социологические исследования. 1977. № 3.

Архангельский В. и др. Основные результаты пилотажного обследования «Семья и рождаемость» // Вопросы статистики. 2006. № 10.

Анурин В. Сексуальная революция: двойной стандарт // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 88–95.

Ильина С. Влияние пережитого в детстве насилия на возникновение личностных расстройств // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 65–74.

Козакевич М. Сексуальное воспитание и молодежь Европы: Сексуальность, брак и семья. София: НИИМ, 1985.

Кон И. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997.

Ламбрэн Б. Мемуары девушки, сбитой с толку // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 78–107.

Лосева О., Чистякова Т. и др. Сексуальное поведение подростков, больных сифилисом // Вестник дерматологии и венерологии. 1991. № 2. С. 45–49.

Лисовский В. Эскиз к портрету. М.: Молодая гвардия, 1969.

Медина Т. Сексуальные функции молодой украинской семьи: Социологический аспект // Социология: теория, методы, маркетинг. 2000. № 2. С. 78–90.

Навайтис Г. Отношение молодежи к добрачным половым связям // Социологические исследования. 1988. № 2.

Немировский Д. Об отношении молодежи к добрачной половой жизни // Социологические исследования. 1982. № 1.

Попов Б. Отношение молодежи к вопросам любви, брака и семьи // Сельская молодежь Якутии. Якутск, 1979. С. 60–79.

Barrett F.M. Sexual experience, birth control usage, and sex education of unmarried Canadian university students: changes between 1968 and 1978 // Archives of Sexual Behavior. 1980. Vol. 9. No 5. P. 367–390.

Kontula O., Naavio-Mannila E. Sexual Pleasures: Enhancement of Sex Life in Finland, 1971–1992. Dartmouth: Aldershot, 1995.

Starke K. Junge partner: Tatsachen über Liebesbeziehungen im Jugendaltes. Leipzig/Jena/Berlin: Urania, 1980.